

Творческое меньшинство на перепутьи российской истории. Потери и обретения за 90-е годы

В. Ф. Хрустов

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ХРУСТОВ — кандидат химических наук, старший научный сотрудник кафедры физической химии Химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Область научных интересов: методы теории многочастичных систем и функций Грина в квантовой механике молекул; философские вопросы естественных и гуманитарных наук; проблематика постиндустриального общества.

*119899 Москва, Ленинские горы, МГУ, Химический факультет, тел. (095)939-22-86,
E-mail khrust@moleq.chem.msu.su*

Тема номера журнала и тема этой статьи приобрели обострённо драматическое звучание за время, прошедшее от их определения до выхода номера (с осени 1999 до весны 2000 г.). В логике следования ряда событий на российской общественной сцене и отклика на них, как в широких социальных слоях, так и со стороны представителей культурной элиты, прорисовываются тенденции реставрации нравственного климата, норм и стиля политической деятельности, ценностных ориентаций, характерных для эпохи, с которой мы расставались в конце 1980-х — начале 1990-х годов.

Наблюдаемые тенденции реставрации прежних методов правления на фоне оскудения материальных и культурных ресурсов, атомизации общества, пессимизма и растерянности, ностальгии значительной части населения по прежним временам трактуются историками или политологами как закономерности очередного контрреформационного этапа исторического пути России [1], но для широкого круга участников и объектов такого развития событий, проецирующих их на собственную судьбу, на судьбы близких людей и, в конце концов, — всей страны, эта закономерность оборачивается или представляется бедствием личным, семейным и/или культурным, цивилизационным, масштабы и последствия которого ещё не вполне осознаны.

Здесь целесообразно сослаться на принимаемые автором определения понятий культуры и цивилизации, данные А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко [2], согласно которым культура представляет собой всю систему смыслов человеческого бытия, как идеальных, так и опредмеченных, а цивилизация может быть понимаема как та часть этой системы, которая связана именно с предметным

ресурсом культуры. В этом понимании цивилизация в собственном смысле не синхронна культуре, а возникает тогда, когда предметно-феноменологический ресурс культуры (т. е., комплекс плодов деятельности её творцов и форм общественной самоорганизации) вступил в фазу непрерывно расширяемого воспроизводства.

Бедствием с указанными проекциями оказывается не распад системы нормативных мировоззренческих ценностей, представлений о предназначении основных институтов общественного устройства, сформированных в духе и теле государства российского за века самодержавия и десятилетия реального коммунизма. Здесь целесообразно, скорее, присматриваться к формам бытования и самоутверждения этой архаики, чтобы выявлять её корни и на этой основе — причины и эффекты её воспроизводства в современной России [3]. И не просто воспроизводства: социологи приходят к выводу о консервативной примитивизации общественной жизни. Речь идёт о тяготении респондентов ко всему тривиальному, инфантильному, сентиментальному и в негативной оценке, в опрошённом толковании сложного, непривычного, нестабильного в явлениях и мыслях. Поставленные перед необходимостью интерпретировать и оценивать сложные явления и мысли, люди такого склада подозревают, что сама сложность — подвох и обман, что всё, на самом деле, просто устроено и просто объяснимо. Для этих людей характерна подчеркнутая ориентация на мифологические образцы стародавнего или периферийного, которое в качестве сравнительно недавнего прошлого непроблематично [4]. Опорой им служат укоренённые в русской культуре представления о «правде» и «истине» [5], к которым народ как бы изначально

приобщён, об «общей пользе» и «народном благе» как главных целях, которым должны служить все институты культуры и власти.

Социологи фиксируют ныне оскудение объёма, сужение ассортимента продукции в разных сферах творения и потребления продуктов культуры и падение спроса на неё, «скатывание к середине» культурных ориентиров и поведения крайних (по возрасту, образованию и другим характеристикам) групп [6, 7]. Эти явления культурного опрощения дают основания прогнозировать соответствующие нормы завтрашнего жизнеустройства в нашем доме.

В нынешнем году, в связи с происходящей сменой состава всех высших государственных институтов, общество поставлено перед необходимостью подводить итоги и представлять себе и миру механизмы и содержание своего выбора пути в будущее. Эти итоги и содержание осуществляемого ныне выбора в существенной мере определяются схемой и результатами навязанного обществу типа либерализации, которые Б.Г. Капустин [8] характеризует следующим образом: «смысл либерально-демократических институтов сводится именно к процедуре конкурентного образования властвующей на данный период группы, что и означает: «демократия есть правление политиков», при котором «избиратели не решают вопросы». Это и есть современное описание механики осуществления того, о чём говорил Гоббс [9], т.е. создания народом власти, в отношении которой он абсолютно бессилен, распадаясь на «толпу» частных лиц, свободной (в рамках допустимого) преследующих свои особые интересы».

Такое сведение либеральной демократии к модели Гоббса вызвало и поныне порождает сужение или выхолащивание смыслового и предметно-феноменологического полей (вернёмся к определениям), на которых за прошедшее десятилетие происходили наиболее значительные процессы созидания духовных и материальных ценностей, то есть там, где были дозволены и начали приносить плоды запрещённые прежде формы реализации творческого потенциала индивидуумов и их ассоциаций.

Процедурно это выхолащивание оформляется в 1999-2000 гг. очередной профанацией выбора, которая, впрочем, объективно отображает рефлексию перемен как в массовом сознании, так и на верхних ступенях институтов власти.

Но эффекты, культурные и институциональные, такого самоопределения — а именно, слова и дела новых фигур и институтов власти — звучат как сигнал тревоги пока лишь для малой доли граждан, в основном, для тех, кого у нас принято называть «западниками». Приоритеты и модели социального устройства формируются в массовом сознании не по законам логики. Несостыкуемость компонентов этих моделей не раз отмечалась социологами и политологами [10, 11].

Размышляя о мотивации и механизмах их формирования, уместно обратиться к работе Р.Г. Громовой [12], которая типологизировала политическое сознание респондентов по результатам опроса, проведенного ВЦИОМ в январе 1998 года. Ею выделены и описаны три типа политического сознания: *рациональное, мифологическое и аполитичное*. Первое характеризуется стремлением к логическому выстраиванию причинно-следственных связей. Второе не нуждается в логичности и доказательности рассуждений; ему свойственно готовое и абсолютное объяснение ситуаций повседневности апелляцией к «конечным причинам», восприятие себя и других не как самостоятельных агентов, а как участников запрограммированного действия. Для людей с третьим типом сознания вся область политических ситуаций и предпочтений неактуальна и неинтересна. Отметим здесь лишь доли представителей указанных типов сознания в выборке респондентов. 25% из них имеют рациональное сознание, 55% — мифологическое и 20% — аполитичное.

Общество, не умеющее совладать с развалом экономики и апатично созерцающее обнищание институтов науки, образования, культуры, сращивание власти и криминалитета, воспринимающее угрозу финансового банкротства и общего краха государственности как надвигающийся катаклизм, — не желает более жить надеждами на светлое будущее и востребует Порядка и Стабильности. Взыскует вновь Илью Муромца и получает к нужному времени подобранное предыдущим, уже утомившимся, исполнителем очередное его воплощение. В «программной статье» В.В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий» [13] предлагается консолидировать российское общество на базе Российской идеи, опорными точками которой автор считает традиционные ценности россиян. Первыми в списке этих ценностей названы патриотизм, державность, государственничество. Конкретные меры воплощения и укоренения перечисленных ценностей мы уже имеем возможность наблюдать. О последней из них «Известия» сообщили 14 февраля 2000 г. под заголовком «Владимир Путин подписал указ о возрождении в армии особых отделов». Доминирование на авансцене политики военно-полицейских фигур и методов, рост их популярности, практическое отсутствие сопротивления им, развёртывание предвыборной борьбы на фоне карательной экспедиции в Чечне, — всё это заставляет считать перспективу утверждения авторитарного режима в России вполне реальной.

Реальной, но не неизбежной. Российский исторический процесс в окрестностях своей очередной бифуркационной точки разыгрывается как состязание разнонаправленных тенденций, по сути аналогичное происходившему в начале века [14]. По ответам на каждый из вопросов, касающихся истолкования закономерностей ми-

ровой и отечественной истории, смысла и перспектив происходящего, ценностных приоритетов общество разделяется на три сопоставимые по размерам части: две из них придерживаются взаимно противоположных позиций, третья просто растеряна и определённую позицию по сей день не выработала. Институционально оформлены лишь интересы отдельных составных частей властвующего социального слоя, который сменил бутафорию «измов» и ведущие роли в ставшей разорительной и потому снятой с репертуара пьесе на популярные ныне идеи и не менее ответственные роли в рамках новой, высокодоходной пока ещё политической композиции, которую И.М. Клямкин назвал «выборным самодержавием» [15]. Для остальных борьба за существование на российском поле боя обрела форму средневековой японской войны, где каждый сражается в одиночку. Ход событий то и дело ставит значительную часть граждан на всех ступенях социальной иерархии перед проблемой профессионального, этического и политического выбора, последствия которого ныне могут быть, да и регулярно оказываются драматическими не только для самоопределяющегося индивида, но и для социума в целом.

Драматизм ситуации состоит в неотвратимости судьбоносного выбора, последствия которого сопряжены с непрогнозируемым материальным и нравственным дискомфортом, ибо традиция уже «не вывезет». Можно, конечно, пустить развитие событий «по воле волн» и воспроизводить экономические и культурные стереотипы былых эпох, но гладкую экстраполяцию траектории истории и личного жизненного пути в окрестностях бифуркации тем самым не обеспечишь. В этот период перспектива в существенной степени определяется проявлением воли, творческим самоопределением социума, уровнем готовности населения стать народом.

Здесь необходимо остановиться на природе рассматриваемой бифуркации [16]. Речь идёт не о конфликте интересов по поводу распределения богатств, почестей и привилегий, когда стороны основываются на общих традиционных представлениях о базисной системе ценностей и целей, следование которой приносит в целом предсказуемые и приемлемые по объёму и качеству плоды индивидуальных и общих усилий. Ключи к решению подобных проблем и конфликтов, как правило, находят с помощью норм и институтов, сформированных в соответствии с этой базисной системой.

Россия переживает период, когда конфликты разворачиваются именно вокруг базисной системы ценностей и целей. Старая система уже утратила названные необходимые качества. В таких условиях возникают конфликты культур, и теперь приходится выработать новые критерии самого понимания блага. Ныне, как пишет Г.С. Померанц, «история входит в частную

жизнь и требует от маленьких людей того, что и большим трудно: решить, что здесь, теперь хорошо и что плохо».

Какими путями можно придти к новому пониманию и новому согласию в рассматриваемой ситуации? Б.Г. Капустин [16] пишет: «новое понимание блага в случае конфликта культур не может быть достигнуто никаким созерцанием и никакой логикой доказательств. Конфликтующие стороны могут созерцать только то, что им дано, а им дано разное до несопоставимости. И сколь угодно безупречная цепь логических доказательств неизбежно исходит из неких недоказываемых «априорных» постулатов, не имеющих иного основания, кроме особенного опыта того, кто эту цепь выстраивает». Становление новой культурно-нравственной определённости осуществляется в ходе политической практики «в процессе коллективного взаимообучения через совместное делание».

В нынешний период российской истории это становление мало заметно, ведь, как отмечается в работе [17], отражающей предварительные результаты исследовательского проекта «Российская повседневность и политическая культура в 90-е годы», в российском обществе существенно утрачено взаимное доверие. «Не более трети россиян в первой половине 1990-х годов считало, что «людям можно доверять». (В странах Запада в середине 1980-х годов так считало 85–95% респондентов.) ... Большинство (чуть более половины) респондентов в трудных ситуациях предпочитают рассчитывать только на самих себя или, в крайнем случае, на своих родственников и друзей. Многие не допускают самой возможности просить помочь постороннего человека, даже в случае крайней необходимости... Респонденты не склонны рассчитывать и на помощь коллектива, в котором работают». Не опоздать бы с вызреванием осознания необходимости консолидации усилий. Процессы диссипации, «вымывания мозгов» не замедляются. Не менее, впрочем, опасна консолидация усилий на постройке новой пирамиды Хеопса.

Исход состязания обозначенных тенденций решающим образом зависит от состояния творческих ресурсов российского социума. Для активизации этих ресурсов необходим, как минимум, настрой основных действующих лиц процесса: «массы» и «элиты» — на взаимообучающее взаимодействие. Как пишет Л.Д. Гудков [18], «масса» — это не совокупность отдельных социальных атомов, загнанных силой или обстоятельствами в ту или иную форму («песочницу»), а характеристика сообщества, взаимодействие внутри которого обусловлено гибкой и сложной системой обобщённых норм и правил. «Масса» в этом смысле — продукт деятельности «элит» и условие их дееспособности».

Кого же наше и иные общества считают своей элитой? Вернёмся к работе [18]: «можно наме-

тить несколько вариантов словоупотребления «элиты». Первое и наиболее часто встречающееся в практике российских политологов и журналистов определение: элита — группа лиц, занимающих высокие или ключевые позиции во властной, статусно-иерархической системе общества. В принципе это словоупотребление — наименее адекватное специфическому социальному значению понятия «элиты», но предельно понятное и родное для людей, сформировавшихся в условиях советского, тоталитарного общества. Оно в максимальной степени сохраняет те значения избранной группы, которые остались от понимания власти как поля действия аристократии или патримониальной бюрократии». Такому пониманию соответствуют традиционное для России распределение ролей между «элитой» и «массой» при подготовке и осуществлении реформ.

Как это повелось со времён Петра Великого, реформы на Руси происходят не от того в первую очередь, что их необходимость, осознанная значительными социальными слоями, порождает какие-то формы идейного обновления, а затем самоорганизации и социального давления на правящие круги и государственные институты. Радикальные реформы с тех времён и поныне «спускаются» российскому обществу аппаратом власти, когда *внутри этого аппарата* созревает понимание низкой эффективности традиционных структур и методов управления, но критерием или формой проявления их несостоятельности для российских правителей служат не сами по себе общее оскудение и недовольство, а потеря веса и влияния на международной арене, прогрессирующее отставание в тех сферах деятельности, по плодам которых определяется место государства в мировом сообществе.

Прошло уже десятилетие с тех пор, как Россия, выбравшись из болота застоя в состоянии материальной и духовной скудости, куда её завел революционный проект «земшарного» коммунизма, двинулась к новым утопическим горизонтам, очертания которых номенклатурные реформаторы и их партнёры-соперники меняли на ходу. Нового царства добра, комфорта и справедливости, как и в начале века, вблизи не оказалось. И всё же, страна в целом и каждый её гражданин впервые получили столь долгий период недеспотического режима и тем самым долгожданный шанс верифицировать идеи, проекты и упования, как пронесённые через века самодержавия и десятилетия тоталитаризма и застоя, так и порождённые в короткие периоды революционных бурь и реформационных натисков. И что не менее важно — возможность присмотреться к себе: взглянуть в механизмы и мотивацию формирования своих высоких утопий и бытовых верований. Конечно, опыта, навыка, вкуса к систематическому продвижению по ступенькам, где чередуются и культивируются, обогащаются и работают друг на друга самоана-

лиз и самодействие, в социокультурной сфере недостаёт. Но дефицит этого капитала осознаёт, видимо, каждый первопроходец, а на историческом пути иных путешественников не бывает.

Какие же изменения претерпел облик властной элиты и каковы теперешние идеальные представления о ней? По данным социологических исследований в 1998 г. [11], она для респондентов нынче во всех отношениях хуже прежней, коммунистической: и от народа дальше, и авторитета, и легитимности у неё меньше, а уж про коррумпированность и говорить нечего.

На основании ответов на вопросы о действительном и желанном влиянии на власть различных профессиональных групп и институтов были построены две последовательности по убыванию «весов» этих групп. Как показало их сопоставление, вторая последовательность «весов» получается инвертированием первой, что демонстрирует желание людей «опрокинуть» существующую ситуацию. Так вот, интеллигенция, образованные люди в первой последовательности оказались на предпоследнем месте, а во второй — на первом.

Если основываться на этих данных, отечественные представления о желанной элите сблизились с ценностными установками, укоренившимися в странах с наиболее развитыми экономикой, демократией, культурой, где элитой считают «группу людей, характеризующуюся наивысшими достижениями в своей области, чей авторитет и влияние основываются на признании их достижений в качестве «образцовых» «влиятельность этой группы связана с её компетентностью, продуктивностью, инновационностью, потенциалом смыслообразования и интерпретации реальности для других групп и институтов в обществе» [18]. Тезис Г.С. Померанца [19]: «Нам сегодня, сейчас необходимо «творческое меньшинство», нашедшее опору в самом себе, нашедшее внутреннее равновесие в потоке перемен и способное уравновесить разрушительные силы развития». — отражает, думается, актуальную объективную потребность, но, увы, не осознанный запрос российского социума.

Большая часть наших соотечественников не желает связывать собственные жизненные планы с обретением перечисленных знаний и навыков. По результатам опросов, проведенных ВЦИОМ в 1995 году [18], лишь 6% респондентов связывали жизненный успех с хорошим образованием. В опросе 1997 года успех связывали со знанием, умением, способностями 20% респондентов, «большая часть ответов сводилась к наличию больших денег, хорошим анкетным данным, сервильности и нахрапистости». По данным опроса 1996 года лишь 15% опрошенных полагали, что оплата труда непосредственно связана с образованием и усилиями работника. 53% не видят здесь каких-либо взаимосвязей.

Социологи делают вывод, что носители знания, культуры не воспринимаются в настоящее время в нашем обществе как «обладающие чем-то особенным, что могло бы составить предмет вожеланий для низкостатусных групп, обеспечивать в их глазах престиж, авторитет или материальное благополучие и обеспеченность. Напротив, ценным представляется то, что может быть у всех и каждого». Это — оценки веса и влияния культурной элиты и плодов её деятельности «снаружи». А как они оцениваются «изнутри»? Ю.А. Левада [20] пишет: «Культурная элита пережила тяжчайший шок, вызванный утратой надежд на цивилизованный переход к демократическим формам, иллюзий относительно собственной причастности к власти и, не в последнюю очередь, утратой государственной поддержки своей деятельности. Впервые за 80 лет культурная элита не представляется и не может считать себя государственно значимой силой». Эта тема выразительно, от первого лица, представлена в статьях Ю. Буртина [21] и Л. Баткина [22].

Утрата интеллигенцией её бывшего места в обществе, «устойчивого социального статуса и лидерского самоощущения в культуре» порождают различные формы переадресации и переориентации. Среди них — обида на неблагодарный народ, призыв к размежеванию с «массой» [23]: массы «и сами сумеют за себя постоять: что-нибудь сметут, перекроют, низвергнут, пока не вынесут наверх какую-нибудь новую — политическую, но не духовную — элиту, духовная же будет в лучшем случае растворена, а в худшем — уничтожена. Колибри не стоит самоотверженно защищать слона — пусть лучше она постарается сохранить и развить доставшуюся ей по наследству красоту».

Теперь и на страницах журнала «Полис» находится место позиции, согласно которой напрасно «насаждали» в России демократические процедуры, а тезис «хотим мы этого или не хотим, назначим так или не назначим, России всё равно суждён авторитарный строй» [24] — «определённо оказался близок к истине». Есть чего бояться и есть кого поугубить [25]: «Поспешное введение выборов без предварительной работы по политической и экономической либерализации не только бесполезно, но и опасно. Только теперь на Западе начинают понимать, какую угрозу несёт в себе вызванная подобной политикой анархия в России, обладающей огромным арсеналом ядерного оружия и не способной обеспечить надёжное хранение ядерных материалов».

А.В. Юревич [26] пишет о характерных для нынешней России формах «братания» бедной науки и богатой политики. Речь идёт о специализации учёных «средней руки» на обслуживании структур власти, что обеспечивает высокий доход и карьеру в наскоро сконструированных институтах и даже академиях. Политическая элита существенно перераспределила расходы на

науку с традиционных отраслей наук естественных, технических и медицинских в пользу науки «придворной», представленной такими структурами, как Аналитическая служба при Президенте, Аналитический центр госслужбы РФ. Молодое поколение чутко реагирует на зовы власти. В МГУ, например, где в былые годы престижными были факультеты физический, механико-математический, биологический, ныне приоритетным стал Институт государственного управления и социальных исследований, где конкурс — 12 человек на место.

И, тем не менее, цитированный выше тезис Г.С. Померанца имеет реальные адресаты в нынешней России. В этом убеждаешься ежедневно при взаимодействии с коллегами, разрабатывающими оригинальные направления в науке, самостоятельно устанавливающими контакты с ведущими мировыми научными центрами, завоевывающими авторитет в международном научном сообществе, добивающимися получения отечественных грантов и участия в международных грантах на проведение исследований. Общаясь со студентами, ориентация которых определяется не только факторами сиюминутной конъюнктуры, чутко откликающимися на новые идеи и группирующимися вокруг их творцов, видишь, что перспективы, научные и культурные, не утрачены. Наблюдая за разнообразием новых литературных формирований и высоким уровнем их продукции, отмечая богатство ассортимента гуманитарной литературы в заполненных, как правило, народом центральных книжных магазинах и небольших полудомашних салонах, где не залёживается самая, казалось бы, элитарная литература, — убеждаешься в том, что есть кому и для кого творить в высоких сферах гуманитарной культуры.

В этой связи уместно сформулировать представления о приоритетных ценностных ориентациях и направлениях деятельности, о перспективах культурной элиты в современном российском обществе, о социальных и имманентных факторах её становления и эволюции.

Начну с обращения к тезисам работы Г.П. Федотова «Создание элиты» [27], написанной в 1939 году, но остающейся актуальной и сегодня: «Самый страшный враг культуры в России — не фанатизм, а тьма, и даже не просто тьма, а тьма, мнящая себя просвещением, суеверие цивилизации, поднявшее руку на культуру... Просвещение предполагает истину данной, систему культурных ценностей уже установленной. Для торжества истины нужно лишь приобщить к ней тёмные массы». Культура завтрашнего дня по Г.П. Федотову «будет контрапунктической», или полифонической. Место творчества — впереди просвещения, как производства перед распределением. Прежняя культурная элита была поставлена на колени перед властью и народом. Новая должна

будет потребовать уважения к себе, «во имя достоинства культуры».

«Культура должна быть понята религиозно, или она будет растоптана тяжёлым сапогом демагога». Другими словами, «надо отдать себе отчёт в том, для чего собственно существует культура. Культура для народа или народ для культуры? Единственный смысл существования нации — в её творчестве, в открытой ею истине, в созданной красоте, в осуществлённой или зреющей ею правде. Хотя сказано, что суббота для человека, но человек — для Бога. Суббота относится к цивилизации».

Для Г.П. Федотова культурная элита и интеллигенция — синонимы. Статья эта написана в то время, когда выстраивались ряды и образ мысли интеллигенции советской. Механике этого процесса в СССР и её сопоставлению со структурой университетского образования в развитых странах Запада, его ролью в формировании там эталонов компетентности, дееспособности и социальной ответственности и на этой основе — *элиты* как их *носителей* посвящена цитируемая уже выше статья Л.Д. Гудкова [18].

Отметим, прежде всего, что приоритет творчества, провозглашённый Г.П. Федотовым, составляет основу цивилизации постмодерна, и университетское образование на Западе — его воплощение. Саму эпоху постмодерна отсчитывают с реформы высшего образования, последовавшей за студенческими волнениями в Западной Европе в конце 60-х годов. В работе [18] показано, как механизмы университетского образования в Западной Европе и Северной Америке формируют менталитет элиты новой цивилизации: великое многообразие спецкурсов и их регулярное обновление, сочетание образовательного процесса с исследовательской деятельностью в институтах, связанных с университетом, соревнование университетов и их профессуры за привлечение студентов, которые, оплачивая своё образование (типичный источник средств на это — долговременный кредит), вступают по сути в контрактные отношения с университетом и сами оказывают влияние на то, «чему следует учить, кому надлежит учить и кому оценивать полученные знания».

Основное отличие как процедур формирования, так и смысла деятельности западной культурной элиты от программных установок Г.П. Федотова — их десакрализация и/или рационализация, что типично для постмодерна в целом. «Контрапунктичность» этой цивилизации реализуется в игровой форме притяжения культурных парадигм. Обращаясь к тому или иному отображению объектов науки, искусства, философии, религии, оперируя их арсеналом, постигая смысл и красоту их творений, человек эпохи постмодерна не апологетизирует шедевр и его творца, но вступает в творчески-игровое отношение к пред-

мету творения и относится к его автору как к воображаемому партнёру [28].

Интеллигенция советской России не была похожа ни на досоветскую, ни на культурную элиту Запада. Университеты были отеснены отраслевыми ВУЗами, да и сами были переведены на казарменный стиль работы: обязательные программы и преподаватели, обязательное посещение занятий, стандартное содержание курсов, допотопные методы обучения, обязательное распределение. Типичный выпускник советского ВУЗа — инженер или врач, основная задача которого — воспроизводство усвоенных образцов. Служебная карьера интеллигента, в официальном советском понимании этого слова, не могла быть успешной без демонстрации идеологического и служебного конформизма. Так обучались и воспитывались кадры партийно-государственной, хозяйственной, научной и культурной элиты. Не трудно понять, что не они были адресатом цитированной статьи Г.П. Федотова.

Тех, кто воспринял эти идеи в СССР и пытался найти им место в период, когда развитые страны Запада вступали в период постмодерна, а в отечестве ещё не исчезли настроения и ожидания гуманитарного возрождения, называли диссидентами. Их судьбы трагичны. Они не желали, не могли молча наблюдать возврат деспотизма, косности, всевластия тупого невежества, изоляции от процессов и плодов мировой цивилизации, но, высказавшись, убеждались в том, что, кроме органов государственной безопасности, мало кто хочет с ними взаимодействовать. В первой половине семидесятых годов движение, число участников которого исчислялось сотнями на весь Союз, было раздавлено и частично выдвинуто за рубеж. К началу «перестройки» они были уже фигурами прошлого.

«Демократы» периода «перестройки» рекрутировались из слоя, который признала и представила обществу как «культурную элиту» элита партийно-государственная. Былые диссиденты погоды среди них не делали. В нынешней России с понятием «демократия» население связывает плоды деятельности именно этих политиков. Что касается былых диссидентов и нынешних правозащитников, их голос в девяностые годы был слышен плохо не только потому, что их ценностные установки чужды властной элите и не воспринимаются как актуальные в широких социальных слоях, но и потому, что они не сумели представить обществу значимые для него «на сломе времён» черты своих устремлений и своей деятельности.

Возвращаясь к теме высшего образования, приходится констатировать, что в постсоветской России оно не претерпело существенных структурных изменений. По-прежнему среди выпускников высшей школы доминируют инженеры и учителя, в образовательном процессе сохраняются структуры и методы, утвердившиеся в совет-

ский период. В МГУ, ведущем университете страны, образовательный процесс строится на *общеобязательной* системе предметов и курсов, занимающих всё учебное время от 9 до 18 часов. Эти курсы, как правило, представлены в единственном варианте и в единственном исполнении. Вариативность программ реализуется в спецкурсах, но при существующем распределении учебного времени им уготована скромная, вспомогательная роль. Об *индивидуализации* методов обучения давно не вспоминают.

Опасность быть раздавленной тяжёлым сапогом демагога для деятелей и продукции российской культуры, увы, не исчезла, изменились формы давления. Вместе с тем, нарастает опасность деградации институтов науки, образования, культуры и продуктов их деятельности, связанная с оскудением фондов аппаратуры и литературы, нищенскими зарплатами работников науки и образования, переквалификацией на коммерческую деятельность или отъездом за рубеж видных учёных и талантливой молодёжи.

Какие программные и шире – цивилизационные запросы могла бы адресовать своей культурной элите современная Россия? Отметим, прежде всего, этический аспект самой постановки этого вопроса. Культурная элита, хочется думать, не будет мобилизована сегодня на выстраивание и популяризацию очередных идей и императивов типа национальной идеи или оптимального государственного устройства. Историческое время подобных проектов в России, видимо, прошло, хотя претензии такого рода появились вновь. Перспективы, скорее, связаны с развёртыванием поиска решений конкретных проблем и формированием климата, подходов, процедур, стимулирующих активизацию творческого потенциала всех заинтересованных общественных сил и способствующих взвешенному выбору решений. То, что И. Пригожин и И. Стенгерс [29] пишут об этике учёного, имеет прямое отношение к рассматриваемой теме: «последовательность актов выбора делает нас теми, кто мы есть. Этика является не областью дедуктивного знания, а «практической мудростью», искусством делать надлежащий выбор относительно неопределённого будущего. Мы должны удержаться от платоновского искушения отождествить этику с поиском незыблемых достоверностей. Такой подход был частью аристотелевской мудрости: при рассмотрении любого предмета не следует стремиться к большей точности, чем допускает природа предмета. В замкнутом мире классической рациональности поиск знания мог легко приводить к интеллектуальному снобизму и высокомерию. В открытом мире, который мы сейчас учимся описывать, теоретическое знание и практическая мудрость нуждаются друг в друге».

Говоря более определённо, можно сформулировать два типа задач и две соответствующие им роли российской культурной элиты в рассматри-

ваемом процессе цивилизационных преобразований. Первая состоит в том, чтобы создать атмосферу и развернуть процесс поиска способов самоорганизации в различных социальных группах и сферах деятельности, продвигаться в понимании характера, то есть спектра вариантов и эффектов выбора, совершаемого страной, социальной группой, типическим в ней индивидуумом в окрестности нынешней бифуркационной точки исторического пути России. Вторая – представить обществу примеры, образцы ответов на вызовы времени способом существования и плодами труда в профессиональной деятельности и шире – в сферах духовной, нравственной, социальной. Феномен понимания в общественной сфере, сфере гуманитарных наук и этике имеет качественные отличия от его аналога в сфере наук естественных. Да и в естественных науках понятие детерминизма и представление о смысле и границах научного знания в XX веке существенно обогатилось и трансформировалось [29]. В гуманитарных науках феномен понимания является предметом герменевтики [30], сформировавшейся на базе экзистенциализма. Отечественные работы, посвящённые этой теме, появились лишь недавно. Важное место среди них занимает книга П.П. Гайденоко [31], содержащая обзор и анализ круга философских направлений, связанных с культурой постмодерна.

В этой связи очевидно, что осознание характера вызова времени и выработка критериев пригодности подходов к поиску ответа на него в России для основных её социальных групп – предмет внутренней работы и согласованной, взаимообучающей, как было сказано выше, практической деятельности на общем поле. Хотелось бы думать, что выбран будет именно этот путь, и движение по нему будет плодотворным, что, как уже говорилось, нереализуемо без принятого сторонами распределения ролей и ответственности, связанной с их исполнением.

Выработка этических основ нового общежития и, в частности, места и роли в ней науки – прежде всего задача культурной элиты страны. Вместе с тем, элита не имеет шансов на успешную реализацию очерченного проекта, если «масса» займёт выжидательную позицию. До тех пор, пока в социальной сфере не накопится опыт самодействия и не проявятся ценностные приоритеты, элите нечего артикулировать, и её фантазии останутся забавой для узкого круга.

Специфика предмета, очерченного выше, и ракурса его рассмотрения определяет смысл опыта, обретаемого индивидуумом и обществом в целом на пути к новому пониманию общественного и личного блага, и, соответствующим образом, процедуры его обретения. Идёт, уж как идёт, поиск адекватной рефлексии, предпринимаемый человеком, озабоченным не только выработкой умения конструировать и модифицировать подходы и методы изучения интересующих

его объектов, процессов и отношений, но и проблемами целеполагания, начиная с конкретных видов своей деятельности и завершая тем центром, который именуется смыслом жизни. Чтобы, «собрав эти камни», вернуться к решению конкретных задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы). *Полис* № 2, 1998.
2. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. *Культура как система*. М. 1998.
3. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре. -- *Полис*, № 5, 1997.
4. Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 2, 1997.
5. Черников М.В. Концепты правда и истина в русской культуре: проблема корреляции. *Полис*, № 5, 1999.
6. Дубин Б.В. Группы, институты и массы: культурная репродукция и культурная динамика в современной России. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 4, 1998.
7. Зоркая Н.А. Коммуникативная активность москвичей: чтение книг, газет, журналов. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 4, 1997.
8. Капустин Б.Г. Начало российского либерализма как проблема политической философии. *Полис* № 5, 1994.
9. Гоббс Т. *Избранные произведения в двух томах*. М., 1964.
10. Лапкин В.В., Пантин В.И. Русский порядок. *Полис* № 3, 1997.
11. Седов Л.А. Политическая "разруха" -- в природе и в головах. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 4, 1998.
12. Громова Р.Г. К типологии политического сознания россиян. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 2, 1999.
13. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. *Независимая газета* 30.12.99
14. Федотов Г.П. Россия и свобода. *Судьба и грехи России*. т.2. С.-П., 1992.
15. Клямкин И.М. Российская власть на рубеже тысячелетий. *Pro et Contra*, т. 4, № 2, 1999.
16. Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? -- *Полис* № 6, 1996.
17. Грунт З.А., Кертман Г.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Российская повседневность и политическая культура: проблемы обновления. *Полис*, № 4, 1996.
18. Гудков Л.Д. Кризис высшего образования в России: конец советской модели. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 4, 1998.
19. Померанц Г.С. Духовное движение с Запада. *Поспеть за Богом*. М., 1997.
20. Левада Ю.А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 2, 1997.
21. Буртин Ю. Выход из кризиса: инвентаризация иллюзий. -- *Октябрь* № 8, 1997.
22. Баткин Л. Тягостные заметки. *Октябрь* № 3, 1999.
23. Мелихов А. Если соль перестанет быть солёной... *Октябрь*, № 4, 1999.
24. Мигранян А. Перестройка как попытка трансформации тоталитарной империи. -- Мигранян А. *Россия в поисках идентичности*. М. 1997.
25. Лукин А.В. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы. -- *Полис*, № 2, 1999.
26. Юревич А.В. Учёные в политике. *Полис*, № 2, 1999.
27. Федотов Г.П. Создание элиты. (Письма о русской культуре) -- *Судьба и грехи России*. т.2. С.-П., 1992.
28. Парамонов Б.М. Конец стиля. -- *Конец стиля*. М., 1997.
29. Пригожин И, Стенгерс И. *Время, хаос, квант*. М., 1994.
30. Гадамер Х.-Г. *Истина и метод*. М., 1988.
31. Гайденко П.П. *Прорыв к трансцендентному*. М., 1997.